

согласіе, организованное лицемѣріе — вотъ чего хотѣлъ Катковъ, подводя подъ эту норму даже высшее совѣщательное учрежденіе имперіи. Неодобреніе проекта, составленнаго министромъ (если министръ, конечно, принадлежалъ къ числу сочувственныхъ Каткову), выставлялось тенденціозной оппозиціей, хотя бы оно исходило именно отъ тѣхъ, кто призванъ къ всесторонней повѣркѣ министерскихъ предначертаній. Не трудно представить себѣ, какая доля свободы оставлялась, затѣмъ, на долю обыкновенныхъ смертныхъ... Равенство передъ закономъ отрицалось во всѣхъ его видахъ. Отъ судебной власти требовалось особенное вниманіе къ лицамъ, входящимъ въ составъ „порядочнаго общества“; финансовое управленіе порицалось за отмѣну подушной подати, за введеніе налога на процентныя бумаги. Вмѣшательство правительства въ экономическую жизнь являлось зломъ, когда оно было направлено въ пользу массы (учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка), благомъ — когда оно имѣло въ виду интересы привилегированнаго меньшинства (учрежденіе дворянскаго земельного банка, льготный кредитъ для землевладѣльцевъ и хлѣботорговцевъ). Право на помощь со стороны государства признавалось даже за разорившимися вкладчиками скупинскаго банка — и еслибы „Московскимъ Вѣдомостямъ“ удалось настоять на своемъ, изъ народной мощи было бы взято нѣсколько милліоновъ на покрытіе убытковъ, понесенныхъ любителями высокаго процента. Въ концѣ настроенія является вражда къ реформамъ прошедшаго царствованія — да и къ позднѣйшимъ преобразованіямъ, насколько они были продолженіемъ прежнихъ, а не возвращеніемъ къ до-реформенному времени.

Величайшей заслугой Каткова считается обыкновенно отношеніе его къ вопросу объ окраинахъ. Сложилась цѣлая легенда, приписывающая ему честь удержанія царства польскаго за Россіей, честь располоченія западнаго края и предстоящаго разнѣмеченія прибалтійскихъ губерній. Какъ и всякая другая легенда, она не устоитъ передъ судомъ исторіи. Политика 1863 года имѣетъ двѣ стороны и два источника. Насколько она была направлена къ охраненію неприкосновенности имперіи, она коренилась въ преданіи, въ совокупности прочно сложившихся воззрѣній, едва ли допускавшихъ какое-либо колебаніе; насколько она была приспособлена къ интересамъ массы, насколько она имѣла въ виду сломить шляхетство, опираясь на крестьянство, — она находилась въ самой тѣсной связи съ эпохой реформъ, наступившей тогда для Россіи. И въ томъ, и въ другомъ она была прежде всего и больше всего продуктомъ обстоятельствъ. Ее никто не внушалъ, никто не диктовалъ, она обуславливалась естественнымъ совпаденіемъ двухъ теченій — стараго и новаго, госу-